Хонсю пнул большой обломок камня — результат взрыва, — а потом, присев на корточки, пропустил горсть каменной крошки между пальцев механической руки. Эта новая рука ему очень нравилась: она была прочнее и сильнее, чем ее органическая предшественница. Когда-то протез принадлежал Кортришу, бывшему чемпиону Кузнеца Войны, и сейчас стал вещественным доказательством благосклонности командира. Неожиданный подарок Кузнеца Войны удивил Хонсю, так как и раньше, до битвы на батарее, он действовал не хуже (а то и лучше), но это никогда не вознаграждалось.

Еще Хонсю был уверен в том, что Форрикс рассказал командиру, что его отряду не удалось уничтожить всех в той самой первой атаке, а значит, именно Хонсю был в ответе за разрушения, учиненные торпедой. Горан Делау с тех пор не выходил на связь, из чего можно было заключить, что заместитель порученную миссию провалил.

Но если все обстояло именно так, почему же Кузнец Войны оказал ему такую честь?

Возможно, одной из причин стало краткое, но очищающее присутствие демона, на время завладевшего его телом? Может быть, эта временная одержимость уничтожила в своем безжалостном огне генетическую скверну и сделала его, наконец, чистым? Величие силы, которое Хонсю ощутил в те краткие мгновения, опьяняло, и он жаждал вновь прикоснуться к ней, хотя и понимал, что это означало смерть. Его тело до сих пор не оправилось от благого вторжения демона; казалось, какая-то часть порождения варпа еще оставалась в нем, хотя Хонсю не мог сказать этого наверняка.

Возможно, Кузнец Войны тоже почувствовал это и распознал в нем присутствие родственной силы?

После выволочки, которую устроил им командир, Кроагер пребывал в постоянной ярости, а Форрикс опасно притих. Хонсю держался от обоих подальше. Кроагер поступил вполне предсказуемо и выплеснул все разочарование на пленников, утопив свой гнев в их крови. Хонсю подозревал, что Кроагеру уже недолго оставалось до той стадии, когда он окончательно погрузится в трясину безумия и превратится в одного из лишенных индивидуальности берсерков.

Форриксу же и его воинам Кузнец Войны поручил неблагодарное задание по прокладке последней сапы. Хонсю представил, как Форрикс, капитан Первой Великой роты, ковыряется в траншеях, и улыбнулся про себя: раньше такая работа, без сомнения, выпала бы на долю его собственной второсортной роте.

В траншеях до сих пор лежал слой пепла, доходивший до колен, — и это несмотря на усилия сотен рабов, день и ночь занятых расчисткой. Оглянувшись вокруг, Хонсю заключил, что никоим образом осадные работы не могли завершиться за десятидневный срок, который установил Кузнец Войны.

Последняя сапа была направлена к середине центрального равелина, но продвигалась ужасно медленно. Теперь, когда до цитадели оставалось совсем немного, каждый новый отрезок в

ломаной кривой, по которой шла сапа, приходилось делать под все меньшим углом, иначе солдаты на стенах с легкостью обстреляли бы ее. Если из сап, проложенных от первой и второй параллелей, землю высыпали на передний край траншеи, то эту сапу приходилось вести с особой осторожностью и изобретательностью. Большинство уцелевших рабов (которых, благодаря взрыву торпеды, осталось совсем немного) вели раскопки в лагере, доставая из-под обломков материалы и боеприпасы, пережившие разрушение Тор Кристо, а потому прокладкой последней сапы занимались сами Железные Воины.

Метр за метром их отряды продвигались вперед — на четвереньках, под прикрытием бронированных передвижных заграждений. Они тщательно утрамбовывали вынутый грунт на переднем краю траншеи, а затем подтаскивали железные прутья, чтобы укрепить насыпь. Следом двигались бригады специально отобранных рабов, которые углубляли траншею и готовили сапу для штурмовых отрядов. Сооружение такой сапы было опасной и тяжелой работой, в которой нужно было действовать умело и согласованно, так как строителей постоянно обстреливали защитники цитадели. Если до ночи траншея продвигалась вперед хотя бы на десять метров, день можно было считать удачным.

Бригады, сформированные из роты Кроагера, трудились не переставая: они разбирали все машины, без которых можно было обойтись, на запчасти, из которых потом собирали новые передвижные заграждения. Необходимость в них возросла из-за того, что после атаки на батарею имперским войскам удалось восстановить многие орудия на парапете. Пушки противника обрушивали прицельный залп на каждое катковое заграждение, и они разваливались на куски всего за несколько часов, и помешать этому Железные Воины практически никак не могли.

«Диес Ире» обстреливал цитадель, но его орудия были почти на пределе досягаемости, и до тех пор, пока огромная машина войны не обрела опять подвижность, польза от этого обстрела была весьма ограничена. Два других титана Легио Мортис оставались в резерве для финального штурма, хотя Хонсю подозревал, что серьезные повреждения, изуродовавшие «Диес Ире», подорвали боевой дух Легио.

Даже издалека Хонсю видел, что стены бастионов спешно восстанавливают — без сомнения, под руководством презренных Имперских Кулаков. Как ни горько было это признавать, но в осадном деле старый враг проявлял изрядное мастерство и еще больше усложнял и без того трудную задачу по захвату цитадели.

Хонсю с нетерпением предвкушал финальную атаку. Убить Имперских кулаков — вот единственное, о чем он мог теперь думать, и жалкая скорость, с которой продвигалась вперед сапа, действовала ему на нервы.

Хотя дело двигалось крайне медленно, Хонсю прикинул, что через три дня сапа почти достигнет края огромного рва перед цитаделью; потом от сапы направо и налево будут проложены траншеи, которые станут третьей параллелью. В обычных условиях вдоль всей параллели был бы сооружен траншейный кавальер — основательная земляная постройка около трех метров высотой, с бруствера которой солдаты смогли бы обстреливать равелин навесным огнем. Вместе с огневой мощью «Поборников» — осадных танков — и похожих на пауков «Осквернителей» это вынудило бы защитников покинуть равелин, и атакующие смогли бы

штурмовать бреши.

Но сложившиеся условия были далеки от обычных, и из-за того, что осадные батареи оказались уничтожены внезапной атакой, никаких брешей в стенах не было.

Если они хотят взять эту цитадель, то стены придется разрушить каким-то другим способом. Уже направляясь обратно к лагерю, Хонсю внезапно придумал, как можно решить эту непростую задачу.

Забившись в темный угол в блиндаже Кроагера, подтянув колени к подбородку, закрыв уши руками, Ларана Уториан безостановочно раскачивалась взад и вперед. По подбородку из прокушенной губы стекала тонкой струйкой кровь; ее тело из-за постоянного недоедания было истощено до предела. Лицо осунулось и пожелтело, под потрепанными обносками, когда-то бывшими шинелью, грязная кожа натянулась над выпирающими ребрами.

Доспех Кроагера, заляпанный кровью, вновь занял свое место на стойке.

На земле перед ней лежала латная рукавица: пальцы сжаты в кулак, суставные сочленения забиты высохшей кровью. Костяной нож, которым она обычно пользовалась для чистки доспеха, лежал на рукавице, лезвие его покрылось зазубринами и покраснело.

Ларана дышала прерывисто, учащенно. Она снова услышала голос.

— Кто ты? — хрипло, еле слышно прошептала она. Ответа не было, и на мгновение ей показалось, что шипящий голос, говоривший с ней, существовал только в ее воображении.

Она уже была готова истерически рассмеяться, но тут голос заговорил опять:

Я — все, что тебе нужно, человечек. Я чую твою ненависть, и у нее изысканный вкус.

Голос, казалось, доносился со всех сторон сразу, вкрадчиво проникал в голову и принадлежал, скорее, существу мертвому, чем живому; страшный голос, хриплый шелест, в котором в чудовищном единстве переплелись слова нескольких говорящих.

Ларана захныкала от страха. Взглянув на доспех Кроагера, она заметила бледное свечение, зарождавшееся за визором шлема. Глаза, которые видели ее насквозь, проникали через кожу, кости, внутренние органы — в самую ее душу.

От этого насильственного проникновения в самую ее суть Ларану охватил ужас.

Она крепко зажмурилась и заплакала, но ощущение чужеродного присутствия не отступало, а, напротив, все глубже проникало в ее разум, вскрывая самые тайные, самые темные уголки ее

души.

А затем это отвратительное исследование прекратилось — так же внезапно, как и началось.

Да, маленькая Ларана, ты готова. Ненависть внутри тебя плодородна и изобретательна. Ты станешь моим лучшим творением…

— Перестань говорить со мной! — завопила она, колотя кулаками по голове. — Что тебе нужно?

Я хочу унять твою боль — если ты мне позволишь. Я могу вернуть тебе силу.

Ларана открыла глаза, теперь блестевшие от надежды в не меньшей степени, чем от страха.

— Но как? Почему?

Кроагер мне больше не нужен. Он опустился до банальной резни, и это меня уже не развлекает. Но ты… О, сколько в тебе ненависти! Пока ее огонь лишь тлеет, но я вижу, что когда-нибудь она станет пылающей бездной. Пройдет вечность, прежде чем ты надоешь мне, Ларана.

Взгляд ее почти против воли вернулся к рукавице, лежавшей на пыльном полу блиндажа; словно почувствовав это, пальцы латной рукавицы медленно разжались, раскрывая ладонь ей навстречу.

Давай же! Каждая пора твоей кожи сочится ненавистью, я это чувствую. Вместе мы нанесем ответный удар! Он ведь настоящий мясник и заслуживает смерти. Я помогу тебе убить его. Разве не этого ты хочешь больше всего на свете?

— Да! — зарычала Ларана, подняла тяжелую рукавицу и надела ее на руку.

Кастелян Леонид оперся локтями на парапет куртины и, подавив усталый зевок, с гордостью посмотрел на людей, работавших на стенах двух передовых бастионов. Под руководством Имперских Кулаков были отстроены сами стены, у горжей отрыты новые траншеи, а у основания стен сооружены бомбоубежища. Чувствовалось, что солдат переполнял оптимизм.

Леонид и капитан Эшара стояли на стене, примыкавшей к одной из башен у Врат Судьбы, и смотрели на изрытую взрывами равнину перед цитаделью. Землю изрезали воронки и километры траншей; тела павших разлагались и остовы машин ржавели прямо там, где их настигла смерть. Завеса дыма над лагерем в конце долины никогда не рассеивалась; видя столь явную мощь армии Железных Воинов, Леонид жалел, что не может проникнуться оптимизмом, как его солдаты.

Несмотря на безжалостный обстрел, который вели заново установленные на стенах орудия, сапа, проложенная от частично обрушенной второй параллели, уже была в пятнадцати метрах от рва. Равнинный ландшафт обзавелся новым шрамом: третья параллель протянулась от фланка бастиона Винкаре к бастиону Мори.

— Уже недолго, да? — спросил Леонид.

— Недолго, — отозвался Эшара.

— Как вы думаете, когда они пойдут в атаку?

— Трудно сказать, — признал Эшара. — Железные Воины всегда атакуют лишь после того, как каждый элемент будущего штурма займет свое место. Нас ждут артобстрел, ложные атаки, отвлекающие действия и лобовые эскалады. Будет сделано все, чтобы держать нас в постоянном напряжении.

— Капитан, мне нужно, чтобы вы были рядом, когда начнется штурм.

— Почту за честь сражаться вместе с вами.

— С чего он начнется, по вашему мнению?

Эшара на мгновение задумался.

— Лишившись осадных батарей, они вряд ли станут пытаться пробить в стенах бреши. Судя по всему, они попробуют соорудить у стен подземные мины[9].

— Да?

— Да. Ваши передовые наблюдатели до сих пор не сообщали, что враг строит новые батареи, но эта параллель проходит уже достаточно близко, чтобы расположить осадные танки под прикрытием земляных укреплений.

— И как из этого следует, что Железные Воины будут прокладывать минную галерею?

Эшара указал на сапу, протянувшуюся между второй и третьей параллелями: траншею затянули синие маслянистые клубы выхлопных газов.

— От передовой траншеи тянется постоянный поток машин, и хотя саму траншею не расширяют и не углубляют, земляной вал перед ней постоянно растет. Это заставляет предположить, что там ведутся подземные работы.

Леонид ругнулся. Он должен был сам это заметить и теперь обозвал себя дураком за то, что даже не задумывался о подобной возможности.

— Мы можем как-то их остановить?

— Я начал строительство нескольких контрмин. Одна начинается под заброшенным зданием за внутренней стеной, другая — под Первым равелином. Как только они будут готовы, я размещу в них штурмовые отряды, оснащенные ауспексами. У отрядов также будет взрывчатка для уничтожения любых туннелей, которые они обнаружат, а если в этих туннелях кто-то окажется, Адептус Механикус приготовили для них неприятный сюрприз. Однако создание контрминных систем — далеко не точная наука, и мы должны быть готовы к тому, что Железным Воинам все-таки удастся обрушить значительную часть стены.

Леонид кивнул. Сейчас он смотрел на происходившее на равнине свежим взглядом, представляя, как может атаковать противник и какие контрмеры можно в связи с этим принять.

Первой линией обороны для цитадели был ров в шесть метров глубиной и тридцать — шириной, в который уходил своим основанием Первый равелин. Если атакующим удастся преодолеть и ров, и равелин — и выжить под шквальным огнем с парапетов, — им придется с боем подниматься на стены. Даже если стены не остановят врага, каждое здание внутри цитадели само по себе было крепостью. Во всех зданиях, начиная со складов комиссариата и кончая полевым госпиталем, были бойницы и взрывозащищенные двери; каждое здание могло оказать огневую поддержку тем, кто сражался поблизости. Но многие сооружения уже были серьезно повреждены, и из-за того, что способность архимагоса Амаэтона удерживать щит слабела с каждым днем, урон становился все ощутимее.

Все средства обороны нужно было как-то укрепить, и Джуранские драгуны, работая вместе с воинами из ордена Имперских Кулаков, делали все возможное, чтобы цитадель стала неприступной. Наблюдая за тем, как трудятся солдаты, и Эшара, и Леонид с радостью видели, что их сплачивает общая цель.

— Мои поздравления, кастелян Леонид: вы можете гордиться своими людьми, — заметил Эшара, проследив за взглядом Леонида.

— Спасибо, капитан. Да, мы сделали из них замечательных солдат.

— Жаль только, что война проявляет в человеке как хорошие, так и плохие стороны, — вздохнул Эшара.

— О чем вы?

— Кастелян, вы участвовали в сражения и прекрасно знаете, на какую жестокость способны солдаты в разгар боя. Но оглянитесь вокруг, и вы увидите братство, которое рождается только

между теми, кто стоит перед лицом смерти. Каждый мужчина и каждая женщина здесь понимают, что, возможно, скоро умрут, но они не отчаиваются. Они видели восход солнца, но никто не знает, доживут ли они до заката. Понять и принять этот факт — на такое способны немногие.

— Не думаю, что большинство солдат это понимают.

— Возможно, они этого и не осознают, — согласился Эшара, — но чувствуют где-то в глубине души. Они страшатся смерти, но лишь пойдя ей навстречу, они могут обрести мужество.

Леонид улыбнулся.

— Вы замечательный человек, капитан Эшара.

— Вовсе нет, — ответил Эшара без ложной скромности. — Я космический десантник. Всю жизнь я готовился к тому, чтобы сражаться с врагами Императора. В галактике нет лучшего оружия, более крепкой брони и более искренней веры, чем у меня. Не имеет значения, кто мой противник: я знаю, что одержу победу. И я говорю так не из высокомерия, потому что немного найдется в этой галактике врагов, которые устояли бы перед мощью Адептус Астартес.

В устах любого другого эти слова прозвучали бы заносчиво, но Леонид видел, как Эшара сражался на батарее; космический десантник говорил правду.

— Я знаю, что могу победить любого врага, — продолжал Эшара, — но у ваших солдат нет такой уверенности. Они увидели, что неприятель сильнее их, и все равно не сдаются. Они — настоящие герои и не подведут вас.

— Мне это известно, — сказал Леонид.

— Кстати, о героях. Вам удалось выйти на связь с этим Хоуком? — спросил Эшара, глядя в сторону гор.

Нахмурившись, Леонид покачал головой.

— Пока нет. Магос Бове потерял связь с Хоуком незадолго до запуска торпеды. Когда улеглось раздражение Адептус Механикус из-за того, что их не посвятили в этот план, они пропустили последние секунды записи переговоров через фильтры в своих когитаторах. Кажется, прямо перед тем, как пропал сигнал, там была стрельба.

— Так вы думаете, что Хоук мертв?

— Да, скорее всего, — кивнул Леонид. — Даже если он выжил в той стычке, у него не было

шансов уцелеть при запуске торпеды.

— Жаль, — признался Эшара. — Мне бы хотелось встретиться с гвардейцем Хоуком. Он производит впечатление по-настоящему героической личности.

Леонид улыбнулся.

— Если бы кто-то сказал «Хоук» и «героический» в одном предложении еще месяц назад, я бы рассмеялся.

— Неожиданный герой?

— Уж куда неожиданнее, — подтвердил Леонид.

После поверхности жара и духота в туннелях казались невыносимыми, и под слоем брони Форрикс обливался потом. Пол галереи резко уходил вниз, грубо высеченные ступени вели в душные подземные глубины. Красные скалы этой планеты удерживали дневное тепло, как скряга держится за деньги, и ночью от каменистой земли исходили волны жара. Сотни рабов уже погибли от теплового удара, но все же строительство туннеля быстро продвигалось.

По обе стороны от главного туннеля уже ветвились набитые взрывчаткой боковые галереи, которые должны были разрушить стенку рва и открыть в него доступ атакующим. За этими ответвлениями туннель уходил еще круче вниз, под сам ров, и буровые установки постепенно подбирались к главной куртине. Когда прокладка туннеля будет завершена, вдоль основания стены на значительном ее отрезке пройдут дополнительные галереи, также наполненные взрывчаткой, детонация которой мгновенно обрушит стену.

Как и сооружение третьей параллели, эта работа была грязной, неблагодарной, бесславной. Форрикс осознавал, что в этом и заключалось его наказание; но он также знал, что наказан не за что, и знание это терзало его, как острый нож в сердце. Он видел, как Хонсю, внезапно оказавшись в фаворе, самодовольно расхаживает, гордясь своей новой бионической рукой, когда-то принадлежавшей Кортришу. Разве он не понимал, что именно Форрикс всегда подпитывал его честолюбие, всегда разжигал в нем желание быть признанным? И вот как его вознаградили: заставили работать до изнеможения, как раба, как животное. Его, Форрикса, капитана Первой Великой роты, заставили ковырять грязь в шахте!

9

Мины — подземные работы по сооружению т. н. минных галерей, которые идут под фундамент фортификационных сооружений.

Почему ситуация так резко переменилась? Меньше недели назад Кузнец Войны еще признавал

его выдающиеся заслуги в быстром захвате Тор Кристо и оказал ему честь, поручив организовать строительство новых сап и параллелей. И не важно, что из-за Кроагера демонические машины были разрушены! Не важно, что из-за непрофессионализма Хонсю у противника появилась возможность запустить орбитальную торпеду. Кузнец Войны сейчас был всего лишь в шаге от величия, и место Форрикса было рядом с ним, а не в этой подземной дыре.

После фиаско с батареей Джарек Келмаур наконец-то рассказал правду о том, как обстояли дела. Форрикс тогда направился в его шатер с твердым намерением прикончить колдуна; он ворвался внутрь, и его силовой кулак сверкал смертельной энергией. Схватив потрясенного колдуна, он швырнул свою жертву с такой силой, что Келмаур перелетел через стол для алхимических опытов, на котором кто-то связанный корчился в судорогах удовольствия.

— Ты все знал! — бушевал Форрикс. — Ты знал, что Имперские Кулаки придут. Ты знал — и ничего не сказал нам.

Келмаур поднялся на ноги и, разведя руки в магическом жесте, набросился на Форрикса. Тот ударил кулаком в живот колдуна и, когда тот согнулся пополам, поднял его в воздух.

— Со мной твои фокусы не пройдут, — оскалился Форрикс, бросил Келмаура на землю, а затем присел рядом. Обхватив шею колдуна одной рукой, он занес силовой кулак над головой противника, угрожая проломить ему череп.

— Ты ведь знал, что Имперские Кулаки появятся?

— Нет! Клянусь, я не знал!

— Ты врешь мне, Келмаур, — отрезал Форрикс. — Я заметил то выражение у тебя на лице, кода ты говорил Кузнецу Войны, что защитники цитадели не успели послать предупреждение. Ты ведь врал ему тогда, да? Они все-таки сумели послать предупредительный сигнал?

— Нет! — захныкал Келмаур, и Форрикс немедленно ударил его по лицу, лишь в последнюю секунду деактивировав силовое поле кулака, но все равно сломав нос и выбив несколько зубов.

— Еще раз соврешь — и я не стану отключать поле, — пообещал капитан.

— Я не… не знал наверняка, но опасался, что сигнал все же отправили. Но он был настолько слабый, что я решил, что за пределы системы ему не пробиться и его никто не услышит.

— Выходит, кто-то услышал.

— Получается, что да, но я принял меры, чтобы не допустить вмешательства со стороны.

— Какие еще меры?

— Чтобы перехватить возможное подкрепление, я отправил «Камнелом» к точке перехода на краю системы.

Услышав это, Форрикс застонал.

— И ты даже не подумал, что благодаря этому они смогли подобраться к планете незамеченными? Просто отвратительный идиотизм. — Он отпустил колдуна и покачал головой. — Тогда скажи мне вот что, Келмаур: зачем мы здесь? Почему Кузнец Войны приказал нам атаковать это укрепление? Почему мы ведем осаду цитадели в такой спешке и, главное, что происходит с самим Кузнецом Войны?

Колдун медлил с ответом, и Форрикс вновь активировал силовое поле кулака. Келмаур попытался отползти прочь, но двигался недостаточно быстро, и капитан рывком поднял его на ноги, схватив за мантию.

— Говори же!

— Я не смею!

— Или ты скажешь мне правду, или умрешь. Выбирай, — прорычал Форрикс, занося кулак для удара.

— Геносемя! — взвыл Келмаур, а потом слова безудержным потоком отчаяния полились с его губ: — Эта цитадель — тайный оплот Адептус Механикус. Здесь они сохраняют геносемя Адептус Астартес и следят за его чистотой. Под цитаделью спрятан лабораториум, в котором столько генетического материала, что хватит для создания целых легионов космических десантников! Если Кузнец Войны захватит этот материал для Разорителя, то наградой ему станет возвышение. Если мы добьемся успеха, то Кузнец Войны получит демоничество! Но если мы потерпим поражение, то он будет уничтожен, превращен в лишенное разума отродье Хаоса, навеки обречен быть лишь чудовищно мутировавшей тварью.

Форрикс постепенно осознал истинный смысл возможной награды и поставил Келмаура на землю.

Геносемя, самый ценный материал во всей галактике. С этим трофеем силы Разорителя станут безграничными, и его Черные Крестовые походы построят новый мир на пепелище Империума. Возможности, которые открывались в этом случае, потрясли даже всякое повидавшего Форрикса.

Демоничество! Это значило стать почти всесильным существом, повелевать энергией варпа, менять реальность по своему усмотрению и держать в подчинении миллионы душ. Такая

награда стоила любого риска, и теперь Форрикс понимал, почему Кузнец Войны так одержим желанием прорваться в цитадель. И пусть для этого потребуется пожертвовать жизнями всех воинов, участвующих в осаде, — для бессмертия это была небольшая цена.

Ради такой награды можно было пойти на все. Форрикс прекрасно понимал, как это заманчиво: обрести способность путешествовать по мирам за пределами смертной жизни, где все было позволено, где любую вероятность можно было сделать реальностью. Он твердо посмотрел прямо в глаза Келмауру.

— Никому больше не рассказывай то, что ты рассказал мне, иначе Кузнец Войны узнает, какую глупость ты совершил.

— Он ни за что тебе не поверит, — простонал Келмаур.

— Это неважно. Если у Кузнеца Войны возникнет хотя бы подозрение, что ты обманул его, он тебя убьет, и ты это знаешь, — пообещал Форрикс, направляясь к выходу из шатра.

И вот теперь в темном чреве туннеля, глубоко под землей, он наблюдал за тем, как бригада измотанных рабов вытаскивает очередную порцию вынутого грунта. Туннель продвигался вперед, и скоро Железные Воины будут внутри цитадели.

Форрикс улыбнулся, представляя, какие удивительные возможности тогда откроются перед ним.

Поместив шлем на железную стойку, Кроагер остался перед Лараной Уториан полностью обнаженным. Все его тело покрывали рубцы старых шрамов; под ними — мощные, четко очерченные пласты мускулов, но Ларане все равно казалось, что без доспеха он словно становился меньше. Становился менее страшным.

Как и всегда после бойни, его голос звучал глухо и апатично, а движения были медлительными, словно отяжелевшими от пролитой крови. Ларана спрятала руку, на которую примеряла латную рукавицу, за ворот шинели, чтобы скрыть покраснение и раздражение на коже. В руке все еще чувствовалось жжение — отголосок того живительного огня, что опалил ее тогда изнутри. Она уже чувствовала, как возвращаются силы.

На ее кости словно наросла новая плоть, каждая клетка ее тела, каждая артерия, каждая вена пульсировали чудовищной жизненной энергией. Ее сердце билось сильнее, а зрение стало четким, как никогда раньше. Надежда на скорую возможность отомстить опьяняла, и Ларане пришлось постараться, чтобы не выдать своего волнения, когда Кроагер угрюмо приказал ей вновь приняться за чистку доспеха, после чего проковылял в угол и рухнул там, погрузившись в глубокий сон пресытившегося кровью хищника.

Уловив безмолвный зов, Ларана спокойно подошла к нечистому доспеху и улыбнулась, чувствуя немое одобрение. Она сняла со стойки латную рукавицу, которую примеряла раньше;

поднесла к губам и пососала пальцы; ощутила вкус крови, сила которой сейчас проникала в нее.

Да, кровь — это сила, она наполняет, она ведет. В ней — твоя страсть, твое вожделение, твои ненависть и будущее. Только кровь спасет тебя.

Ларана кивнула. В этих словах была истина, это она теперь ясно видела. Для того чтобы выжить, она должна принять любую силу, если только та даст ей шанс отомстить.

Она всунула руку в перчатку и запрокинула голову в экстазе: энергия, горячая и жадная энергия вливалась в ее тело. Кожа на ее руке начала растягиваться, вмещая вспухающие мышцы, которые слой за слоем нарастали на костях с фантастической скоростью.

Да! Да! А теперь все остальное — и наш договор будет скреплен.

Не сознавая, что делает, Ларана один за другим снимала со стойки элементы брони и надевала на себя. Хотя доспех предназначался для воина гораздо более крупного, каждая часть в точности подошла ей по размеру. Сила вливалась в ее плоть непрерывным потоком, тело ее росло, наполняясь чудовищной мощью, и Ларана засмеялась.

С каждым новым элементом броня все больше становилась словно частью ее: плавные изгибы внутренних поверхностей доспеха изменялись под контуры ее тела, врастая в него побегами темной энергии. Где-то в глубине сознания Лараны раздался тревожный вскрик, но он затерялся в реве урагана, в котором трансформировалась ее плоть. Голос тревоги кричал что-то о цене, которую придется заплатить за столь омерзительный дар, но Ларана, одержимая ненавистью, не стала слушать.

Один последний шаг, Ларана. Одно последнее условие. Ты должна отдать мне все, ничего не скрывая. Твоя душа должна стать моей, и тогда мы будем едины. Мы станем Аватарой Кхорна!

Ларана взяла в руки шлем-череп, оскалившийся в усмешке, и надела его на голову.

— Да, — прошипела она. — Возьми все. Я твоя…

Голос разума умолк, был изгнан из ее треснувшего черепа, и Доспех Кхорна овладел ею полностью.

Закричать — вот что она успела сделать, еще оставаясь человеком, ибо на одно страшное мгновение она поняла, какую непоправимую ошибку совершила.

Вскрикнув, Кроагер проснулся — вынырнул из пустоты без сновидений, ужасной в своем сходстве с забвением смерти. В горе пересохло, он часто дышал, с трудом вспоминая, где находится. Через входной проем в блиндаж просачивался тусклый свет, и внезапно Кроагер

остро ощутил: что-то не так.

Он встал и неслышными шагами двинулся к выходу. Тени сплетались вокруг него, и смутное чувство чего-то неправильного превратилось в абсолютную уверенность. Он потянулся за мечом и еще больше разозлился, не обнаружив его на месте. Неужели эта маленькая смертная дрянь взяла его? Она жизнью поплатится за такое преступление.

Внезапно Кроагер почувствовал, что в блиндаже еще кто-то есть, и медленно повернулся. В сумраке виднелось неестественное свечение, и он прищурил глаза, стараясь понять, что это. Доспех его был там же, где он снял его, но что-то изменилось… Кроагеру потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что именно.

Доспех его был на ком-то надет. И этот кто-то держал его меч.

— Кто бы ты ни был, ты покойник, — пообещал Кроагер.

Незваный гость покачал головой.

— Нет, Кроагер, покойник — это ты. Ты нам надоел, и больше мы в тебе не нуждаемся.

Кроагер вздрогнул: он узнал этот голос. Но это невозможно. Это не могла быть она — его слабая, скулящая пленница.

Она поплатится за такую наглость. Он бросился вперед, занося огромные кулаки для смертельного удара. Женщина уклонилась от атаки, взмахнула мечом, и на боку его появился разрез шириной с ладонь. Кровь хлынула из раны алым потоком, и Кроагер взревел.

Но он не успел оправиться от удара: меч обрушился на него снова и вспорол живот, выпуская наружу внутренности, которые упали на земляной пол блиндажа. Кроагер рухнул на колени, с мольбой глядя на противника, но последовал новый удар, и ему пришлось вскинуть руки в бесполезной попытке защититься.

Тот, кто теперь носил доспех, не ведал пощады и просто кромсал его на куски. Сначала он лишился ладоней, затем меч отсек его руки до локтя. Кроагер завалился на спину в луже собственной крови, окруженный обрубками собственных конечностей; наконец женщина опустилась на колени, садясь на него верхом, и отбросила меч в сторону.

Нарочито медленно она сняла шлем, и Кроагер закашлялся кровью, увидев лицо заново родившейся Лараны Уториан.

Испуганная женщина, которую он мучил все эти долгие недели, исчезла; искаженное лицо новой Лараны не выражало ни жалости, ни сострадания — только ненависть, от которой Кроагера до мозга костей пробрал холод.

Держа затупившийся костяной нож обеими руками, она подняла его высоко над головой; а затем существо, когда-то бывшее Лараной Уториан, вогнало нож в глазницу Кроагера и продолжало наносить удар за ударом, пока череп ее мучителя не превратился в кровавое месиво.

Форрикс сверился с инфопланшетом, проверяя на пыльном экране расположение минной галереи, и с удовольствием убедился, что туннель не отклонился от намеченного направления. Они уже прошли подо рвом и в течение часа должны были оказаться у стен. Форрикс перешагнул через труп раба и осмотрел результаты работ на плоскости забоя. В такой близости от стен уже нельзя было применять буровые установки — их могли услышать имперские войска, и потому отряды рабов прокладывали туннель вручную, используя лопаты и кирки, обмотанные тряпками. За рабами, вооружившись шипастыми дубинками и электрострекалами, следили надсмотрщики из людей, служивших в армии Железных Воинов. Эти дураки сами приближали гибель собственного рода, и Форриксу нравилась ирония этой ситуации.

Убедившись, что все идет по плану, он зашагал обратно по душному туннелю, мимо невольничьих бригад, рабы в которых при виде его съежились от страха. На своем пути он миновал несколько галерей и тупиков — их соорудили для того, чтобы сбить с толку имперских саперов и скрыть истинное направление атаки.

Потолок туннеля поддерживали железные опоры, а пол устилали звукопоглощающие маты. Форрикс делал все, чтобы туннель не обнаружили, хотя враг наверняка уже знал о ведущихся минных работах. Несмотря на принятые меры, оставался шанс, что имперские отряды натолкнутся на туннель чисто случайно; Форрикс молился, чтобы этого не произошло, и подрыв куртины прошел удачно. Может быть, это вернет ему благосклонность командира.

Он не видел Кузнеца Войны с того дня, когда были уничтожены батареи. Повелитель Железных Воинов удалился в свой шатер и допускал к себе только Джарека Келмаура. Форрикс не знал, известно ли Кузнецу Войны о том глупом промахе, который совершил Келмаур, но он твердо намеревался сообщить об этом командиру. Возможность свергнуть колдуна казалась ему лишь немногим более привлекательной, чем возможность избавиться от Хонсю: для ветерана оставалось тайной, почему Кузнец Войны пощадил полукровку после того, как он, Форрикс, рассказал ему об ошибке Хонсю, результатом которой стала потеря орудий в Тор Кристо.

От этой мысли ярость Форрикса всколыхнулась снова, и он поклялся, что этот безродный пес кровью поплатится за то, что посмел занять его место рядом с Кузнецом Войны.

Возмущение и обида настолько завладели Форриксом, что когда он услышал шум, доносившийся из плоскости забоя, было уже слишком поздно. Крики и грохот камней вырвали его из задумчивости, и он отбросил в сторону инфопланшет, внезапно осознав, что происходит.

Он схватил оказавшегося рядом солдата и крикнул:

— Возвращайся на поверхность и передай: туннель атакуют!

Перепуганный солдат, освобожденный от хватки гигантского терминатора, со всех ног бросился к выходу из туннеля. Послышался треск выстрелов, затем крики, эхом прокатившиеся по галерее, и Форрикс активировал силовой кулак. От синеватого свечения, которое создавали электрические разряды, тьма коридора наполнилась резкими тенями.

Держа комби-болтер наготове, он пошел по туннелю, и быстрые очереди автоматического оружия зазвучали громче. Навстречу ему бежали надсмотрщики; они побросали дубинки и стрекала и теперь в ужасе старались убраться подальше от плоскости забоя — вместе с рабами, за которыми они должны были следить. Форрикс расстрелял толпу бегущих и, переступая через разорванные болтами тела, продолжил свой трудный путь вперед.

Он увидел пять фигур в желтых доспехах; они стояли в кольце из мертвых тел, а над ними в своде пещеры виднелась дыра, проделанная взрывом. Двое из космических десантников двинулись в его сторону, а остальные занялись подготовкой взрывчатки, чтобы обрушить туннель и не дать ему достичь стен цитадели. Форрикс открыл огонь раньше, чем его заметили, и звук выстрелов в замкнутом пространстве прозвучал оглушительно громко. Нагрудник одного из Имперских Кулаков испещрили окровавленные отверстия, и воин рухнул на землю.

От рикошета разбились шары светильников, и в их угасающем мерцании туннель наполнился фантастическими тенями. Второй Астартес пригнулся и открыл ответный огонь из болт-пистолета. Выстрелы попали в цель, но терминаторский доспех предназначался именно для такого ближнего боя и отразил все попадания.

Форрикс выстрелил снова, одновременно замахиваясь силовым кулаком. Враг припал к земле и откатился в сторону, а кулак разбил вдребезги одну из железных опор и проделал огромную дыру в стене. В воздух поднялись тучи пыли и каменной крошки, а Форрикс вновь бросился на противника. Имперский Кулак обнажил меч, клинок которого был окутан янтарным сиянием, но в туннеле для эффективных ударов мечом было слишком мало места.

Форрикс отбил клинок в сторону и пробил кулаком грудь врага, проломив грудную клетку и вырвав сердце и легкие, после чего отбросил прочь окровавленный труп и двинулся в главную галерею, где обрушил на Имперских Кулаков шквал болтерного огня. Один из них, раненный в бедро, упал, остальные кинулись в укрытие. Ответные выстрелы загрохотали по доспеху Форрикса, и один болт каким-то образом пробил наплечник. Чувствуя, как сильно кровоточит рана, ветеран взревел от ярости и разрядил весь магазин в ближайшего противника. Щелчок курка при пустом магазине прозвучал в тесном пространстве туннеля, как гром.

Услышав у себя за спиной крики приближавшихся солдат, Форрикс оттянул назад затвор на мельтагане, установленном под опустевшим болтером. Последний оставшийся в живых Астартес вышел из укрытия и открыл огонь, заставив противника покачнуться под шквалом выстрелов, но раскаленный добела заряд, состоявший из перегретого воздуха, ударил Имперскому Кулаку в грудь. Все его туловище сгорело в одной шипящей вспышке, а насыщенная кислородом кровь, вскипев, обратилась в едкий красный пар.

Оплавленные фрагменты доспеха, из которых виднелась сожженная плоть, с лязгом рухнули на пол туннеля: голова и конечности — вот все, что осталось от десантника. Форрикс отбросил разряженное оружие и подобрал болтер противника. Солдаты в красной униформе уже спешили к месту битвы.

Внезапно из дыры в своде пещеры потянуло чем-то зловонным, и Форрикс понял, что из туннеля нужно уходить. Он развернулся и бегом устремился к выходу, ни слова не сказав удивленным солдатам. Он бежал так быстро, как только мог, но оглушительный грохот, раздавшийся за спиной, не оставил сомнений: он не успеет.

Форрикс резко свернул влево, в один из ложных туннелей. Позади раздались крики, но все, кто остался в главной галерее, могли уже считаться покойниками. В узком подземном пространстве грохот зазвучал еще громче, и Форрикс двинулся дальше по боковому туннелю. Он успел скрыться за одним из его изгибов как раз в тот момент, когда туннель начал наполняться потоком жидких химических веществ.

Подобно приливной волне, все туннели заполнили ядовитые химические отходы — содержимое каждой дренажной трубы, каждого септического танка и отхожего места, какие только были в цитадели. Форрикс ощутил омерзительную вонь отходов, к которой примешивался едкий запах биотоксинов. Водоворот нечистот пронесся по туннелям, сметая все на своем пути, и ему пришлось из всех сил хвататься за неровную поверхность стены, чтобы удержаться на ногах.

Силой потока людей насмерть расплющивало о стены. Минные галереи полностью залило экскрементами, и те, кто устоял в первой волне, утонули или погибли от интоксикации, окунувшись в токсичные вещества, уровень которых теперь доходил до потолка. Уцелевшие осветительные шары закоротило, и они погасли один за другим.

В боковом туннеле течение потока был слабее, и Форрикс стоял на месте, все глубже погружаясь в бурлившую серо-коричневую грязь. Он знал, что пока опасность ему не угрожает: его доспех был способен выдерживать вакуум открытого космоса и за свою долгую жизнь побывал и в худших переделках.

Форрикс понятия не имел, как далеко нечистоты растекутся по туннелям, но подозревал, что на всю длину галерей их количества не хватит. Чтобы затопить всю систему туннелей, нечистоты пришлось бы разбавить, а на это ушла бы значительная часть запасов питьевой воды в цитадели. Может быть, защитники цитадели и пошли на такое расточительство — если они уверовали, что вместе с Имперскими Кулаками к ним, наконец, пришла надежда на спасение.

Прошло несколько минут, и уровень жидкости в туннелях начал спадать. План имперцев провалился. За свою жизнь Форрикс построил десятки таких минных галерей, и многие из них враг пытался затопить субстанциями гораздо более смертоносными, нежели токсичные отходы. Дренажная система отвела часть жидкости в специальные водосборные камеры, а сухая почва планеты впитала в себя излишек влаги. Туннель выдержит, но потребуются дополнительные опоры, чтобы предотвратить будущие обвалы. С этой работой справятся только Железные Воины, так как токсины, проникшие в галереи, будут смертельно ядовиты в

течение еще сотен лет. Но воины, облаченные в силовые доспехи, могли не обращать внимания на такие мелочи.

Форрикс встряхнул головой, очищая шлем от густой грязи, налипшей на него, и начал пробираться сквозь пропитанную токсинами тьму обратно к главному туннелю. Он знал, что должно случиться дальше. Под его тяжелой поступью хрустели кости тех, кто утонул в наводнении. Уровень потока быстро спадал; Форрикс проверил затворный механизм болтера, освобождая его от грязи.

Впереди виднелись лучи света, пронзившие мрак пещеры из отверстия в ее своде; затем что-то тяжелое упало сверху, и раздался всплеск. Темнота не помешала Форриксу разглядеть, как один из Имперских Кулаков поднялся на ноги и двинулся сквозь поток нечистот, доходивший ему до колен, к входу в туннель.

Форрикс уложил его выстрелом в голову, но в пещеру проникали новые воины; не успело стихнуть эхо выстрела, как они рассредоточились по всей пещере. Град пуль обрушился на скалы вокруг него, снаряды рикошетом отскакивали от доспеха, но Форрикс огненной дугой болтерных выстрелов перечеркнул всю пещеру и, уложив атаковавших его десантников, отступил в относительную безопасность туннеля, где враг не мог взять его превосходящим числом. Если они вознамерились его убить, то пусть сначала вытащат из этой норы.

Какие-то тени промелькнули у входа в туннель, и он встретил каждую из них выстрелами. Форрикс убивал, смеясь; вспышки, сопровождавшие каждый выстрел, рассеяли адскую тьму, в которую погрузилась галерея, а стены ее покрылись выбоинами. Еще несколько болтов пробили его доспех, бок и плечо пронзила острая боль. Несмотря на всю свою мощь, даже терминаторский доспех не мог выдержать столь плотный огонь.

Болтер в руках Форрикса щелкнул пустым затвором. Отбросив оружие в поток нечистот, он активировал силовой кулак, готовясь встретить бросившихся в атаку Имперских Кулаков. Первого он убил сильнейшим ударом в голову, а обратным ударом вырвал горло второму.

На него бросились еще двое. Потрескивающее энергией лезвие пробило броню, и Форрикс взревел, чувствуя, как клинок прошел между ребер и достал до его основного сердца. В ярости он выбил меч из рук космического десантника и еще одним ударом наотмашь оторвал тому руку. Следующего воина он ударил плечом так, что шлем его врезался в стену туннеля и разбился, а затем выпустил ему кишки, пробив живот силовым кулаком.

Вражеский огонь не ослабевал; один из болтерных снарядов пробил керамитовые пластины доспеха и взорвался, расколов при этом костный панцирь, защищавший грудную клетку Форрикса. Он упал на колени, а Имперский Кулак приблизился вплотную, ни на секунду не прекращая стрелять. Форрикс вырвал из груди меч и отсек врагу ноги, после чего тот рухнул лицом вниз в ядовитую жижу.

Несмотря на шквальный огонь, Форрикс сумел встать. Рядом в нечистоты плюхнулась граната, и он упал на спину, уклоняясь от взрыва. Разорвавшаяся граната взметнула фонтан нечистот

вперемешку с обломками, но жидкость погасила взрыв, и Форрикс остался цел.

Он поднялся на колени, но очередной воин уже бросился в атаку. Выстрел из болтера попал Форриксу в висок, начисто снес часть шлема, и по лицу его рекой хлынула кровь. Что-то ударило в визор, и шлем оказался сорван с его головы, а затем Форрикс почувствовал, как крошатся кости в челюсти. Перед глазами заплясали вспышки яркого света; он завалился назад, хлопая руками по воде и давясь нечистотами, которые хлынули в нос и рот.

Всего за несколько секунд токсичные отходы выжгли его глаза, а по коже пошли волдыри. Он вслепую замахнулся кулаком, наткнулся на что-то твердое и пополз назад, стараясь держать голову над поверхностью потока. Сплюнул густую пену, которой наполнился рот; содрогнулся в рвотном позыве, когда тело начало бороться с токсинами.

Резь в глазах была невыносимой, но Форрикс моргнул, стараясь разглядеть очертания какой-то приближавшейся фигуры. Опять ударил вслепую, промахнулся и заорал от боли, когда широкое лезвие вновь пронзило его грудь, пробило легкое и вышло сквозь спинную часть доспеха. Он схватился за лезвие и резко ударил ногой; что-то хрустнуло, кто-то вскрикнул от боли и забарахтался в бурлящей, покрасневшей от крови воде. Не видя цели, Форрикс стал шарить перед собой, а затем, зарычав, обрушил силовой кулак на нечеткую фигуру, нанося удар за ударом, пока противник не был сокрушен. Грудь разрывалась от мучительной боли, второе сердце и мультилегкое работали на пределе своих возможностей, стараясь сохранить своему хозяину жизнь, несмотря на обширные повреждения.

Где-то позади опять послышались крики, но, ослепнув, Форрикс потерял чувство направления. Что приближается, спасение или смерть?

— Железо внутри! — закричал он, поднимая силовой кулак. Боль в груди еще усилилась.

— Железо снаружи! — прозвучал ответ, и Форрикс опустил руку.

Воины его роты быстро пошли мимо; вскоре он услышал эхо болтерных выстрелов и крики, полные ненависти, но с каждым мигом они звучали все тише. Он попытался встать, но сил на это не осталось.

Раздался мощнейший, громоподобный взрыв, и весь туннель задрожал. С потолка посыпались камни, стены, после боя покрывшиеся выбоинами, на несколько секунд озарились оранжевым светом пламени.

Форрикс медленно наклонился вперед, опираясь на дрожащие руки. Откуда-то из невообразимой дали до него донесся победный речитатив Железных Воинов.

Только тогда Форрикс позволил своим рукам подогнуться и рухнул на пол туннеля.

После того, как атака на систему минных галерей неприятеля провалилась, боевой дух защитников цитадели резко упал: не оставалось сомнений, что мины скоро достигнут стен, и ничего с этим сделать было нельзя. Имперские войска попытались провести еще одну атаку, используя для этого контрмину под Первым равелином, но понесли серьезные потери и были вынуждены отступить, не сумев справиться с охраной, ни на мгновение не оставлявшей минные галереи.

Форрикса отнесли в его блиндаж, где ему оказали помощь хирумехи Кузнеца Войны. Командир Железных Воинов выразился в этом отношении предельно ясно: их собственная жизнь зависела теперь от того, выживет ли его капитан.

Хонсю вызвался руководить работами по прокладке минных галерей, пока Форрикс залечивает раны. Кроагер уже много дней не выходил из своего блиндажа, и Хонсю мог только догадываться, какое кровожадное безумие завладело им на этот раз.

Когда выяснилось, что атаки туннелей не принесут успеха, Имперские Кулаки взрывами запечатали входы в контрмины. Ущерб, нанесенный вражеской вылазкой, был устранен, и строительство минных галерей продолжилось.

Пришло время осадных танков; они прошли по сапам на третью параллель и заняли места на позициях, защищенных мощными земляными укреплениями. Грузовики с боеприпасами для этих железных левиафанов день и ночь курсировали по опасному маршруту от лагеря до параллели и выгружали снаряды в только что отстроенные и сильно армированные склады.

В земляных укреплениях были намечены амбразуры, но пока грунт оставили на месте — до того времени, когда танки будут готовы открыть огонь по цитадели. Позади третьей параллели были проложены новые траншеи, которые образовали параллели меньшей длины; в них могли разместиться большие отряды солдат, готовые броситься на штурм стен.

Несмотря на все попытки офицеров поднять боевой дух и внушить подчиненным оптимизм, ничто не могло защитить гарнизон цитадели от ужасного предчувствия. Даже самые преданные защитники крепости теряли мужество, видя, какого масштаба атака готовится.

Через три дня после нападения на туннели стены цитадели задрожали от глухого удара, по силе не уступавшего землетрясению. Земля под крепостью вздыбилась, покрытие дорог во всем периметре внутренних стен пошло трещинами. Край рва скрылся за огромной стеной из пламени и дыма: взорвались заряды, помещенные под ним, каменные обломки каскадом обрушились на дно рва, и путь для вражеской пехоты был открыт.

Но не успела осесть пыль от первого взрыва, как прогремел второй, еще более мощный. Детонировали огромные склады боеприпасов, которыми были забиты широкие галереи под куртиной между Вратами судьбы и правым фланком бастиона Мори.

В результате этого взрыва фундамент куртины на значительном отрезке своей длины был полностью разрушен. Центральная часть стены просела со звуком, напоминавшим стон; затем

шум усилился, и с грохотом, похожим на артиллерийский залп, куртину расколола широкая трещина. Офицеры выкрикивали приказы, торопя солдат уйти со стены, но для многих было уже слишком поздно. Куртина высотой в шестьдесят метров медленно осела на землю, а огромные куски рокрита, оторвавшись от нее, рухнули в ров. При обвале погибли сотни людей, а в небо взметнулись гигантские облака пыли.

После этого обрушение стены пошло еще быстрее, и в ров падали уже целые секции парапета. Размеры разрушений приобрели невероятный масштаб; невозможно было даже представить, что столь прочное укрепление окажется практически стерто с лица земли.

Когда обрушение наконец остановилось, стало ясно, что центральная часть стены уничтожена почти полностью. В куртине появилась большая брешь около тридцати метров шириной, а обломки, сыпавшиеся со стены, образовали пологий склон, поднимавшийся от дна рва к краю бреши.

Так Железные Воины пробили оборону цитадели.

http://tl.rulate.ru/book/30591/675888